УДК 39(571.513)+346.231+811.51

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2019-36-108-131

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин

КОРЕННОЕ ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЧИНСКОГО ОКРУГА В XIX в.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ

Представлено исследование исторической этнографии тюркских народов Сибири, в частности коренного населения территории современного Ачинского округа. В ходе работы были привлечены материалы переписи населения 1897 г., отражающие административно-родовую структуру населения региона, а также картографические материалы XIX в., позволяющие визуализировать его сложный этнический состав. Все это в совокупности с анализом этнонимии дало возможность отследить некоторые этапы этнической истории региона, выявить исторические связи населения с сопредельными территориями.

Ключевые слова: Причулымье, Июс, тюркские народы Сибири, хакасы, чулымцы, кызылыцы, алтысарский улус, картирование, этноним.

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin

THE INDIGENOUS TURKIC POPULATION OF THE ACHINSK DISTRICT IN THE 19TH CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND ALLOCATION

The article deals with an attempt to analyse a field a study on the historical ethnography of the indigenous population of the territory of the modern Achinsk district in Southern Siberia. During the work, census materials of 1897 were drawn, reflecting the tribal-administrative structure of the population of the region, as well as cartographic materials of the 19th century, allowing visualization of its complex ethnic composition. All this, combined with an analysis of ethnonyms, made it possible to trace some stages of the ethnic history of the region, to reveal the historical ties of the population with neighboring territories.

Keywords: Chulyum region, Iyus river, Turkic peoples of Siberia, Khakass, Chulyms, Kyzyl, Altysar ulus, mapping, ethnonym.

Введение

Статья ставит своей целью изучение этнического состава и расселения коренного тюркского населения Ачинского округа Енисейской губернии в XIX в. В переписных документах 1897 г. эта группа населения маркирована как «коренные тюрки (инородцы)» [Патканов 1912: 330–342]. В настоящее время территории расселения тюрков XIX в. находятся в пределах Республики Хакасия и Красноярского

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@yandex.ru.

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: tihij-511@mail.ru.

края. Земли бывшей Кызыльской степной думы располагались на территории Орджоникидзевского района Республики Хакасия, а также на территориях Ужурского и Шарыповского районов Красноярского края; земли Мелецкой волости, отделившейся от Кызыльской степной думы, на территориях Тяхтетского, Бирилюсского, Большеулуйского, Ачинского и Ботогольского районов Красноярского края.

В настоящей работе при составлении карт расселения коренного тюркского населения в XIX в. нами использованы материалы переписи 1897 г., обработанные С. К. Паткановым [1912]. Картографической основой является карта Енисейской губернии 1889 г. [Карта... 1889]. Границы управы и волостей показаны по состоянию на 1889 г. Названия улусов даны в современной орфографии, в соответствии с переписными материалами 1897 г. [Патканов 1912: 331–343].

В 1824 г. на территории расселения коренного тюркского населения южной Сибири было образовано несколько степных дум. Одной из них была Кызыльская степная дума, находившаяся в северо-западной части хакасского ареала. Ее территории располагались в долинах Черного и Белого Июсов, являющихся истоками р. Чулым (Июс), а также в долине среднего Чулыма (Июса).

В 1824 г. при организации Кызыльской (Кизильской) степной думы на территории Ачинского округа все коренное тюркское население было включено в ее состав [Потапов 1957: 240]. Так, по сведениям 1824 г., состав думы выглядел следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Кызыльская степная дума 1824 г.*

№	Родовая управа или улус	Количество душ		Ясак деньгами, руб.
		скотоводцев и промышленников	кочующих земледельцев	
1	Кизильский	253	35	200
2	Шуйский	235	87	216
3	Мелецкий 1-й половины	193	—	200
4	Мелецкий 2-й половины	31	232	175
5	Малоачинский	194	8	325
6	Большеачинский	332	—	
7	Малоаргунский	103	—	68
8	Курчиковский	155	—	49
9	Басагарский 1-й и 2-й половины	168	—	110
10	Басагарский от 2-й половины отдельный	141	—	
11	Игинский	397	—	165
12	Камларский	279	12	215
Итого		2481	374	1723
Всего		2855		

* Сост. по: [Чибизов 1914: 380].

С 1824 по 1835 г. состав думы не менялся. С 1835 г. из Кызыльской степной думы была выделена Мелецкая инородная управа, в ее состав вошли мелецкие роды 1-й и 2-й половины [I; Костров 1853б: 299; Ярилов 1899: 28].

Историческая география

В XVII в., во время присоединения к России, это были территории одной из двух Мелесских верхних волостей – Мелесской (Кошенбайковой) волости [Долгих

1960: 99]. Южнее располагались «киргизские» «немирные земли», а именно – Алтысарский улус. Впоследствии его земли стали следующими волостями: Ачинская, Аргунская, Кизыльская, Басагарская, Кийская (Курчинова), Керексусская, Шушская, Камларская [Козьмин 1925: 37; Бояршинова 1950: 39–40; Долгих 1960: 95–97].

После появления в Причулымье русских значительно изменилась этническая карта региона. Так, в XVII в. основным населением были тюркоязычные группы. Со времени начала колонизации общий тюркский массив оказался разрезан в его центральной части прибывающим крестьянским населением [Резун 1984: 37–89]. Территории Покровской, Назаровской и Балахтинской волостей широкой полосой установили барьер между южной и северной группами тюркского населения. Эти волости находились в непосредственной близости к крупным массивам коренного населения, часть которого постепенно сливалась с крестьянским населением. Под постоянным давлением увеличивающегося русского крестьянского населения коренные жители, придерживавшиеся своего традиционного образа жизни и верований, были вынуждены откочевывать вверх по течению Чулыма на юге и вниз по течению на севере. Колонизация края в XVII–XVIII вв. вынудила тюркское население сдвинуться из преимущественно остепненных пространств в лесостепную зону.

XVIII век в «Кыргызской земле» ознаменован массовым крещением коренного населения. Так, миссионерская деятельность в период функционирования Новокрещенской конторы (1740–1764) и после в итоге привела к тому, что к 1795 г. 32,7 % коренного тюркского населения оказалось в списках крещеных [Асочакова 2018: 109]. В результате стали возникать отдельные поселения новокрещеных. Из кызыльских новокрещеных была образована Ужурская новокрещеная община (1760–1775), к ней было приписано 1700 крещеных хакасов, а сама Ужурская церковь была построена после прошения князей Янгулова, Курчакова, Арыпкаева на средства кызыльского князя Гаврилы Ульчугачева на р. Ужур [Там же: 42–43]. Таким образом, небольшой Ужурский улус начал расти, а земли, населенные новокрещеными и прибывавшими русскими крестьянами, с 1822 г. стали Ужурской волостью, из которой в конце XIX в. была выделена Шарыповская волость.

Еще одним фактором продвижения русского населения на земли Кызыльской степной думы стало золото, в результате разведки и добычи которого начала возрастать доля некоренного населения за счет его прибытия в область расположения рудников. С 1837 г. в верховьях Черного и Белого Июсов, Сарала-Июса и их многочисленных притоков, а также в верховьях р. Урюп начали работать золотодобывающие прииски, однако массово приискатели начали прибывать в середине 1850-х гг. [Памятная книжка 1863: 290–297]. Таким образом, неотмежеванные земли Кызыльской степной думы оказались одновременно и в ведении Ачинско-Минусинского горного округа, отмеченного С. К. Паткановым наряду с волостями Ачинского округа [1912: 338–339] (табл. 4).

Постоянное смещение тюркского населения также можно отметить и по картам XIX в. (карта 1). Так, территории Ужурской и Шарыповской волостей расширялись за счет отделения земель вокруг сел и деревень, где были расселены новокрещеные коренные тюрки. Так, в Ужурской волости коренные тюрки были представлены в 8 населенных пунктах общей численностью 1180 чел.

В северном ареале также можно отметить наличие анклавов коренных тюрков уже внутри территории русской волости – Большеулуйской. Часть населенных пунктов Мелецкой и Большеулуйской волостей проходят по обоим ведомствам. Отличием является наименование населенного пункта. Если в Мелецкой волости это улус, то в Большеулуйской волости – *деревня* (ср.: Кумырский улус – Кумырская деревня, Шутайский улус – Шуточкина деревня) [Там же: 331–343].

Карта 1. Коренные тюрки Сибири в Ачинском округе Енисейской губернии в конце XIX в.)

Кызыльская степная дума (1824–1893) – Кызыльская инородная управа (с 1893 г.)

Со времени основания в 1824 г. и до 1834 г. в состав степной думы входили два Мелецких административных рода, расположенных севернее Ачинска, с 1834 г. выделенных в отдельную управу. С 1834 по 1893 г. территория Кызыльской степной думы оставалась в прежних границах. С 1893 г. дума прекратила свое существование в связи с новыми реформами органов самоуправления в Российской империи, согласно которым степные думы должны были исчезнуть и на их месте появиться инородные управы, приравненные к волостям (карта 2).

Относительная немногочисленность Кызыльской степной думы не привела к ее территориальному размежеванию: реформа коснулась лишь ее статуса – степная дума стала инородной управой в 1893 г. [Бутанаев 1987: 20]

На территории Кызыльской инородной управы в 1897 г. было расселено 6475 чел., из них коренных тюрков – 5866, русских – 572, прочих – 37 чел. [П; Патканов 1912: 331–343] (табл. 2а, б).

Таблица 2а

Кызыльская инородная управа, 1897 г. *

№	Населенный пункт	Хозяиств	Всего населения	Коренные тюрки	Русские	Прочие	Бассагар (1 и 2)
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Айдашенский ул.	11	54	48	5	1	15
2	Старо-Урюп ул.	14	101	98	3	–	
3	Парнинский ул.	8	41	36	5	–	
4	Мажар ул.	73	375	369	3	3	84
5	Усть-Парнинский ул.	57	299	299	–	–	20
6	Косонгольский ул.	22	139	131	8	–	19
7	Талкинский ул.	10	56	44	12	–	
8	Инголь ул.	3	21	18	3	–	
9	Косоложенский ул.	47	295	275	15	5	14
10	Линева изб.	2	6	6	–	–	
11	Сартачуль ул.	18	81	80	1	–	3
12	Божие-Озерское сел.	106	531	487	42	2	14
13	Костинский ул.	34	167	143	24	–	
14	Косонгольская изб.	1	5	5	–	–	
15	Окунёво	5	17	17	–	–	6
16	Оракский ул.	78	398	384	13	1	93
17	Белокаменный ул.	4	18	16	2	–	
18	Саралинские изб.	16	94	89	5	–	13
19	Верхне-Саралинский ул.	38	262	209	52	1	
20	Нижне-Саралинский ул.	16	75	75	–	–	
21	Барбаковский ул.	13	69	69	–	–	
22	Итеменевский ул.	15	65	65	–	–	
23	Агаскыр ул.	25	134	124	10	–	
24	Больше-Тайдонов ул.	16	74	74	–	–	
25	Черемшин (Печищенский) ул.	14	66	66	–	–	3

Окончание табл. 2а

1	2	3	4	5	6	7	8
26	Сулеков улус	15	84	82	–	2	3
27	Мало-Тайдонов ул.	15	90	89	1	–	2
28	Мало-Озерский ул.	26	124	123	1	–	9
29	Покровское (Чебаки) сел.	191	1010	644	346	20	41
30	Большая Секта ул.	22	96	96	–	–	
31	Малая Секта ул.	14	77	77	–	–	
32	Большой Ошколь ул.	39	185	185	–	–	
33	Малый Ключ ул.	3	13	13	–	–	
34	Мамонов ул.	3	19	19	–	–	
35	Балахчин II ул.	9	53	53	–	–	
36	Подкаменский ул.	32	153	147	6	–	
37	Малый Ошколь ул.	5	28	28	–	–	9
38	Янгулов ул.	22	151	151	–	–	6
39	Балахчин I ул.	34	161	159	–	2	
40	Торча ул.	36	188	183	5	–	
41	Усть-Печищенский ул.	6	32	32	–	–	3
42	Когаев (ст. дума) ул.	17	87	86	1	–	
43	Кожаковский ул.	12	69	69	–	–	2
44	Большой Ключ ул.	8	43	41	2	–	
45	Батанакровский ул.	9	60	59	1	–	6
46	Максимовский ул.	8	50	48	2	–	
47	Старый Черноозерский (Капыловский) ул.	10	66	66	–	–	17
48	Новый Черноозерский ул.	25	131	127	4	–	
49	Половинский ул.	13	62	62	–	–	
50	Баит ул.	–	–	–	–	–	
Всего		1220	6475	5866	572	37	393

*Сост. по: [Патканов 1912: 333–335, 340–342].

Таблица 26

Кызыльская инородная управа, 1897 г.*

№	Населенный пункт	Бассагар отд.	Б.-Ачи	М.-Ачи	Игинский	Камлар	Кызыл	Курчик	М.-Аргун	Шуйский	Бело-Июсский	Б.у.а.р.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Айдашенский ул.				23							
2	Старо-Урюп, ул.									83		
3	Парнинский ул.					7	13		2	8		6
4	Мажар, ул.	6	46		42	47	57	9	19	58		1
5	Усть-Парнинский ул.		16		34	82	3		18	60		
6	Косонгольский ул.				25	42	20		6	19		
7	Талкинский ул.						8	11	22	3		
8	Инголь, ул.					6		3	9			

Окончание табл. 26

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
9	Косоложенский ул.		59	4	26	19	22	39	15	77		
10	Линева изб.		3			3						
11	Сартачуль, ул.		2	1	28	7	4	4		31		
12	Божие-Озерское сел.	9	53	25	32	32	61	14	25	213		9
13	Костинский ул.	1	17	10	2	14	36	11	1	50		1
14	Косонгольская изб.									5		
15	Окунево				6		1		31	3		
16	Оракский ул.	3	44	5	49	40	13	26		75		3
17	Белокаменный ул.					9		6	1	1		
18	Саралинские изб.		7	2	4	26	6	22	1	8		
19	Верхне-Саралинский ул.		18	12	23	47	25	30		53		
20	Нижне-Саралинский ул.	3	2	17		24	9	20				
21	Барбаковский ул.		24		39			6	7			
22	Итеменевский ул.	3	1	13	5		9	24	2	3		
23	Агаскыр, ул.		7	9	6	11	5	37		44		3
24	Больше-Тайдонов ул.	2	4	1	4	39	2	17		3	2	
25	Черемшин (Печищенский) ул.		2	20		13	8	20				
26	Сулеков ул.			29	3	4	1	35		7		
27	Мало-Тайдонов ул.		6	43	23	6	8			1		
28	Мало-Озерский ул.	8	10	7	5	16	13	37		14	4	
29	Покровское (Чебаки) сел.	67	60	52	41	76	68	25	64	130	6	11
30	Большая Секта, ул.	5	10	4	23	12	29	13				
31	Малая Секта, улус	7	5		8	4	48		5			
32	Большой Ошколь, ул.	19	16	105	8	4	4	29				
33	Малый Ключ, ул.			13								
34	Мамонов ул.		4			15						
35	Балахчин II, ул.		1	10			11	31				
36	Подкаменский ул.	3	21	58	13	13	15	17		6		11
37	Малый Ошколь, ул.		8				4	7				
38	Янгулов ул.	1	44	57	8	16	12	7				
39	Балахчин I, ул.	12	52	23	43	7		17			5	
40	Торча, ул.	56	18	30	13	48		5		22	2	
41	Усть-Печищенский ул.			2	1		25	1				
42	Когаев (ст. дума) ул.	20		23	25	1	16					
43	Кожакровский ул.	31	10		8	9				3		6
44	Большой Ключ, ул.	3	37		1							
45	Батанаковский ул.		20		2	19	8	4				
46	Максимовский ул.		37		6	1	1	1			1	
47	Старый Черноозерский (Капыловский) ул.		13	6	28	1	6	8		4		
48	Новый Черноозерский ул.	5	32	21	26	8	2	6		9		1
49	Половинский ул.	9	26		5	17		5				
50	Баит, ул.											
Всего		273	735	602	638	745	573	613	228	982	20	42

*Сост. по: [Патканов 1912: 333–335, 340–342].

Карта 2. Кызыльская степная дума

Помимо указанных выше административных родов, на территории Кызыльской инородной управы были также отмечены коренные тюрки других административных родов. Так, были отмечены 2 чел. Большеаргунского административного рода в улусе Оракском, по 1 чел. Старо-Июсского административного рода в улусах Окунево и Когаево, а также 15 чел. Мелецкого административного рода в улусе Старо-Урюп [Патканов 1912: 332].

Мелецкая инородная управа. На территории Мелецкой волости 1559 чел., из них коренных тюрков – 1371, русских – 179, прочих – 9 чел. (табл. 3).

Таблица 3

Мелецкая инородная управа, 1897 г.*

№	Населенный пункт	Хозяйств	Всего населения	Коренные тюрки Сибири	Мелецкий 1-й и 2-й половины	Кызыльский	Русские	Прочие
1	Айдашевский ул.	27	165	148	148		17	–
2	Кумырский ул. (дер.)	20	110	102		102	8	–
3	Шутайский ул. (Шуточкина дер.)	20	139	123		123	15	1
4	Бирилюсский ул. (Бирилюское село)	7	30	28		28	4	
5	Назаровский ул.	19	84	74		74	10	–
6	Верхне-Улуйский ул.	8	50	38		38	12	–
7	Усть-Кемчугский ул.	37	213	194	194		19	–
8	Яланский ул.	7	52	50	50		2	
9	Подкаменский улус	36	125	184	184		28	3
10	Щелевский ул.	20	117	104	104		12	1
11	Мелецкий ул.	16	71	58	58		12	1
12	Елдоловский ул.	5	31	27	27		7	–
13	Протокинский ул.	8	37	34	34		3	–
14	Кильчековский ул.	8	32	29	29		3	–
15	Ново-Тюляпсинский ул.	4	21	21	21		–	–
16	Старо-Тюляпсинский ул.	7	41	37	37		4	–
17	Старо-Костинский ул.	4	19	17	17		1	1
18	Ново-Костинский ул.	3	14	14	14		–	–
19	Амачевский ул.	10	47	44	44		1	2
20	Байдуковский ул.	8	36	34	34		2	–
21	Кульбенский ул.	4	18	16	16		2	–
22	Избушки	4	17	–			17	–
23	Старо-Урюп ул.	–	–	–			–	–
		282	1559	1371	1008	363	179	9

* Сост. по: [Патканов 1912: 335, 342–342].

Следует также отметить, что коренное тюркское население, несмотря на уступки, продолжало отмечаться на территории всех волостей Ачинского округа общей численностью 2259 чел. (табл. 4).

Карта 3. Мелецкая инородная управа

Таблица 4

Коренные тюрки Сибири в крестьянских волостях
Ачинского округа Енисейской губернии, 1897 г.*

№	Населенный пункт	Хозяйств	Всего населения	Русские	Коренные тюрки
Ужурская волость					
1	Ужур, село	311	1805	1630	10
2	Баит, дер.	28	162	108	54
3	Кулун, дер.	83	576	165	408
4	Парная дер.	124	719	439	252
5	Марьясова дер.	62	434	131	303
6	Торгужан, дер.	58	344	310	33
7	Изыкчульская дер.	145	895	760	114
8	Солгон, село	270	1490	1451	6
Шарыповская волость					
9	Шарыпово, село	324	1898	1795	49
10	Едет, село	90	576	437	3
11	Темринская дер.	104	737	704	27
Балахтинская волость					
12	Балахтинское село	582	2871	2794	14
13	Марьясова дер. (при рч. Журы)	49	317	183	129
14	Леонидовский винокур. зав.	61	251	196	18
Большеулуйская волость					
15	Большеулуйское село	162	936	889	12
16	Бирилюское село	73	374	318	34
Назаровская волость					
17	Ястребова дер.	51	286	227	1
18	Кольцовское село	181	1088	966	63
Покровская волость					
19	Преображенка, дер.	48	236	159	48
20	Мазульская дер.	154	797	752	2
21	Покровское село (при р. Улуй)	256	1258	1196	2
Тюльковская волость					
22	Петропавловское село	177	1010	961	11
Ачинско-Минусинский горный округ					
23	Сергиевский, Благовещенский, Гаврило-Архангельский и др. прииски по р. Сарала-Июс	64	391	333	37
24	Леонтьевский, Натальевский и др. прииски по р. Она	37	191	164	19
25	Григорьевский прииск по рч. Попутной	14	54	31	13
26	Стойбище в вершине рч. Сарала-Июс	1	7	—	7

* Сост. по: [Патканов 1912: 336–339].

Неравномерное распределение коренного тюркского населения в Ачинском округе указывает на сложные процессы ассимиляции коренного населения путем христианизации. В XVII в. основным мотивом христианизации было закабаление

коренного населения Хакаско-Минусинского края, миссионерская деятельность только начала разворачиваться. В XVIII в. кампания по крещению язычников достигла резкого скачка количества христиан среди коренного населения. Однако, как видно из отчетов местной власти, новокрещенные подвергались гонениям как со стороны соплеменников-язычников, так и со стороны русского населения, что вынуждало формировать крупные анклавные новокрещенных [Асочакова 2018: 136]. Таким образом, на окраинных землях кызыльского населения возникла и Ужурская волость, постоянно пополняемая новокрещеными в течение всего XIX в. [Шерстова 2005: 155].

Административное деление и этнический состав

Образование Кызыльской степной думы в составе созданной Енисейской губернии, как и в остальных подобных случаях, повлекло разделение местного коренного населения на административные единицы – управы или административные роды, состав которых не всегда совпадал с родоплеменным делением. Кызыльская степная дума получила наименование по названию кызыльцев, вошедших в ее состав в качестве одного из таких административных родов. Всего изначально их насчитывалось 12 [Чибизов 1914: 380], до выделения, как упоминалось выше, в 1835 г. в отдельную управу Мелесского I и II административных родов; осталось, соответственно, 10 [Castren 1856: 520 (Anm. 10); Костров 1853б: 299].

Список 10 упомянутых административных родов кызыльцев, несмотря на некоторые разночтения у разных авторов (в некоторых работах XIX в. они именуются и «родами», и «племенами»), восстанавливается следующим образом [Castren 1856: 520; Erman 1847: 725; Костров 1853б: 299; Риттер 1877: 552–553; Чибизов 1914: 380; III]:

- 1) кизильский;
- 2) большеачинский, или ачаг;
- 3) малоачинский, или кычаг (встречается наименование Кытаг) [IV];
- 4) игынский, или игы (встречаются наименования Игинский, Агы, Акы);
- 5) басагарский от 1-й половины отделенный, или туюзе (иногда он именуется просто басагарский, с вариантами бассагарский, басагырский, басагарский 1-й половины, 1-й басагарский);
- 6) басагарский 1-й и 2-й половины, или буга (также пуга, иногда он именуется басагарский 2-й половины, 2-й басагарский) [V];
- 7) камларский, или камлар (встречаются наименования кашларский, кашлар, калмарский, камнар, камнер, камлер);
- 8) малоаргунский, или калмах (встречается наименование аргунский, аргынский);
- 9) курчиков, или арчик (встречаются наименования курчинский, курчик, кырыг, курчин, арчин);
- 10) шуйский, или шустер (встречаются наименования шумтер, тунтур).

Сам родоплеменный состав населения данных единиц уже на момент их образования был смешанным как с точки зрения родоплеменной, так и этнолингвистической принадлежности ввиду самой специфики социальной организации кочевников, характеризовавшейся текучестью состава и гибкостью иерархии таксономических единиц, и поздних миграционных процессов, обусловленных появлением русского населения [Потапов 1957: 239–243]. Тем не менее наименования родоплеменных единиц (*сѡк*, букв. ‘кость’) кызыльцев в основном совпадали с названиями ясачных волостей чулымских тюрок XVII–XVIII вв. (кроме наименования *калмак*, см. ниже) [Там же: 243].

Н. Н. Козьмин отмечал, что среди зарегистрированных у «кизильских ино-родцев» родоплеменных единиц (*сѡк*, букв. ‘кость’), таких как *ара*, *камлар*, *баса-*

гар, буг-тин, ястых/частых (рус. «ястынцы»), ач (рус. «ачинцы», «ач-кыштымы»), «были звероловческие племена», входившие в состав Алтысарского улуса в качестве кыштымов [Козьмин 1917: 52–53]. В другой работе исследователь добавляет к последним такие наименования, как тинцы (рус. «тимцы»), шусты, кызылы, байгулы, аринцы [1925: 37–38]. По этому поводу были предложены некоторые корректировки, согласно которым *басагар* и часть *кызыл* ввиду того, что кочевали рядом с алтысарцами («киргизами»), все же должны считаться частью Алтысарского улуса, а в качестве кыштымов выступали кашинцы, шусты, буг-тин, ястых, ачинцы, байгулы и аринцы [Абдыкалыков 1968: 12–13]. Согласно Л. П. Потапову, «алтысарские князья считали своими данниками-кыштымами, например, кизилов, басагаров, ачинцев, аргунов, байгулов, шустов и камларов, обитавших в бассейне Чулыма, а также аринцев, ястынцев, тинцев и качипцев, живших близ Красноярска» [1957: 33].

В любом случае уже в рамках кочевнических политических образований, каким был в данном случае Алтысарский улус, происходило тесное и разное по характеру взаимодействие различных по происхождению и лингвистическим характеристикам групп населения. Так, исследуя границы расселения чулымцев в XVI–XVII вв. В. С. Синяев отметил, что продвижение тюркского населения по Чулыму происходило разными волнами, и последней волной, было движение с юго-востока, вниз по Чулыму (Июсу) о чем свидетельствуют археологические памятники региона [1963: 52–53]. Все это не могло не сказаться как на изменении состава племенных объединений, так и на языковых процессах [Боргояков 1976: 17]. Взаимодействие различных территориальных групп населения продолжилось и в новых условиях уже в рамках образованных в последующем в составе Российского государства административных единиц, не учитывавших каких-то устоявшихся племенных связей.

В настоящее время, начиная с переписи 1939 г., потомки этих групп населения разделены на хакасов и чулымцев [подробнее см.: Бутанаев 2006; Львова и др. 2006]. Между тем до 2001 г. чулымцы Красноярского края официально относились к хакасам [Кривоногов 2018: 179], а их язык рассматривался в качестве северного диалекта хакаского языка [Дульзон 1959б; Доможаков 1960]. Однако в дальнейшем, в частности в работе А. П. Дульзона, было предложено выделение двух диалектов языка чулымских тюрков – нижнечулымского и среднечулымского, к последнему при этом принадлежали, в частности, две группы мелесцев: *tutal tš'onu* и *pilet tš'onu* [1973: 17].

Состав административных родов

Кызыльский. Назван по имени «кызыльцев» («кизыльцев», «кызыльцев») и соответствует «Кызыльской» волости. В работах авторов XIX в. неоднократно упоминается, что сами «кизыльцы» (Kisilen) именуют себя *кизи* (*kisi*) ‘человек’ (‘Mensch’) [Castren 1856: 520 (Anm. 3); Erman 1847: 725; Костров 1853а: 189], т. е. как *kizi*. Но в их составе один из *сѡк*-ов носил название *хызыл*, являющийся фонетическим вариантом *кызыл*, что значит ‘красный’. Считается, что уже в XVIII в. он сплотил вокруг себя население долины Июсов, почему оно получило такое название [Бутанаев 1984: 104; 1994: 20; 2006: 548]. Возможно, невольное соотнесение ранними исследователями двух слов обусловило то, что в их собственных трудах, как и работах последующих авторов, употребляется именно форма *кизил*, *кызыльцы*, *кызыльский* и как название *сѡк*-а и всего населения как административного рода, так и степной думы.

Согласно В. Я. Бутанаеву, такое название возникло у *сѡк*-а «из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков». На уровне всего народа считается, что кызыльцы родственны сагайцам, они происходят от двух братьев – Сагаях и Хызылах [1994: 20; 2006: 548]. Одна из легенд о происхождении кызыльцев возводит его ко временам сибирского Кучум (*Köjim*) хана (1563–1598) и связывает с одним из его

людей по имени *Хызыллах*, от которого они и получили свое название [Несказочная проза хакасов 2016: 142, 143]. Букв. *хызыллах* < **qizil+la-q* ‘ставший красным’.

Исследователи на основе тех или иных данных отмечают кызыльцев как старейшее по сравнению с другими группами население края. Об этом говорят и их собственные предания [Castren 1856: 520; Костров 1853б: 299; Риттер 1877: 552], а упоминания наименования в русских источниках начинаются с середины второго десятилетия XVI в. [Доможаков 1948: 5; Потапов 1957: 144; Абдыкалыков 1968: 12, 69; Радлов 1887: 6].

Ачинский. Соответствует Ачинской волости. Получил наименование по названию *сõк-а ажыг* (вар. *ачыг*) [Дульзон 1959а: 38; Боргояков 1965: 182], соответствовавшему Ачинскому административному роду, в ойратских источниках зафиксированному как *ачик*, *эчик* [Очерки истории Хакасии 2008: 200]. Он разделялся на *улуг ажыг* и *кичиг ажыг* [Бутанаев 1984: 105; 1994: 20–21; 1999: 30; 2006: 548; Очерки истории Хакасии 2008: 199]. В народе считается родственным *сõк-ам ызыр* и *сагай*, признающимися потомками *кыргызов*. Некоторые народные предания позволяют предположить связь *сõк-а ажыг* с барабинцами [Бутанаев 1994: 21–22; 2006: 548–549].

Согласно М. И. Боргоякову, «киргизский этноним **азык**, восходящий к хакасскому языку», может быть истолкован в значении ‘медведь’. Исследователь исходит из соображения о том, что элемент *-z-* является древнейшим языковым признаком, характерным для языка енисейских кыргызов, отражая межтюркское соответствие $j \sim d \sim z$. С ним сопоставляется хакаское кызыльское *ажыг* и тувинский этноним *адыг*, имеющий значение ‘медведь’ и истолкованный как форма с *d*-признаком, при том что «в других тюркских языках... <...> это слово встречается в виде айыг, айык, айу, айы» [1981: 81].

Не вдаваясь в вопрос о сопоставлении «киргизского», т. е. кыргызского и хакасского (кызыльского) этнонимов, следует отметить, что их привязка сюда выглядит в определенной степени искусственной, поскольку заочно основывается на допущении. Кроме того, требует особого объяснения глухой согласный в кыргызском этнониме.

Более простым может быть объяснение происхождения кызыльского этнонима, основанное на особенностях кызыльского диалекта. Заманчивое сопоставление с хак. *ачыг* ‘горький’ может быть подтверждено соответствием кызыл. /ʒ/ хакасскому литературному /č/ в позиции между широким и узким гласным [Сравнительно-историческая грамматика... 2002: 491]. Ср. кызыл. *ажырганганыбынаң* ‘от досады’ при хак. лит. *ачырганынаң* [Несказочная проза хакасов 2016: 256, 257, 370].

Попытки найти этноним в каких-то ранних источниках, соотнося, например, с встречающимися в памятниках древнетюркской рунической письменности недостоверным *аç*, или *az*, или даже наименованием кыргызского предводителя IX в. *а-жэ* 阿熱 (без учета среднекитайского звучания) [Боргояков 1965: 182–183; 1981: 102; Очерки истории Хакасии 2008: 115–116], не могут считаться обоснованными.

Малоаргунский. Соответствует названию *сõк-а аргын* (см. ниже), однако Малоаргунский административный род был образован из *сõк-а халмах* [Бутанаев 1994: 22; 1999: 175; 2006: 549]. Но он не имеет отношения к калмыкам. Существовавший прежде единый Аргунский административный род, которому соответствовала Аргунская волость, был разделен реформой 1822 г. и часть его осталась в пределах Томского уезда, отошедшего к Томской губернии, т. е. Большеаргунский род (*улуг аргын*), другая часть, оказавшись в составе Енисейской губернии, вошла в состав Кызыльской степной думы, составив Малоаргунский административный род (*кичиг аргын*) [Он же 1994: 22–23; 1999: 175; 2006: 549].

Как давно отмечалось исследователями, представители *сõк-а халмах* являются потомками телеутов, бывших подданными ойратов [Радлов 1989: 91; Аристов

1896: 345]. Л. П. Потапов полагает, что *сѣк* в т. ч. «состоял из потомков аргынов, <...> принимавших участие в формировании казахской народности и входивших также в родоплеменной состав телеутов» [1957: 241]. Согласно Л. П. Потапову, это подтверждается мнением самих кызыльцев [Там же: 243]. Между тем, любопытно, что в одном из преданий кызыльцев, записанном В. И. Доможаковым в 1947 г., *халмахтар* представлены как «настоящие кызыльцы» (*ѣн хызыл шоны*) [Несказочная проза хакасов 2016: 144, 145, 342]. По-видимому, речь идет об экзоэтнониме, поскольку телеуты уже в начале XVII в. в русских источниках именуются «белыми калмыками» («белых калмык именуют телеутами по их роду»), в то время как сами ойраты – «черными калмыками» [Потапов 1957: 172–173]. Данная ситуация наглядно демонстрирует сложный процесс формирования идентичностей в рамках всегда многокомпонентных кочевнических политических объединений.

Курчиковский. Соответствует Кийской (по названию р. Кии) или Курчиковской волости. Последнее наименование связано с именем башлыка Курчейко (умер в 1632 г.), известном в XVII в. Административный род был образован из *сѣк*-а *аргын*, в ойратских документах именуемого *аргун* [Очерки истории Хакасии 2008: 200], явно находящего параллели в наименовании племени казахов Среднего жуза [Козьмин 1917: 52]. Некая, как отмечалось исследователями, связь *сѣк*-а с казахами и телеутами подтверждается и наличием в составе курчиковского административного рода *сѣк*-а *теленет* [Бутанаев 1984: 107; 1994: 23; 1999: 175; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 200]. Д. Мессершмидт записал от одного из «чулымских татар» с р. Кии сведения о том, что они прежде «составляли с казацкой ордой один народ» (цит. по: [Потапов 1957: 155]).

Н. Н. Козьмин указал на этот случай как на наглядный пример того, как у кочевников легко целые родоплеменные единицы или их части могут встраиваться в качестве звеньев социальной организации других объединений [1925: 11–12, 20 (прим. 16)].

В свое время Н. А. Аристов выдвинул гипотезу о соответствии значения слова *аргын* и зафиксированного в древнетюркскую эпоху этнонима *басмыл* ‘помесь’ [1896: 364–366]. Исследователь основывался на одном контексте употребления в книге Марко Поло наименования некоего народа *Argon* с французским (!) словом *Guasmul*. Но Марко Поло употребляет последнее слово в значении, как указал П. Пельо, скорее ‘half-breeds’. Указав на европейское происхождение слова *Guasmul*, даже допуская формальное фонетическое сопоставление с *Basmil*, французский исследователь отменил все же его правомерность ввиду большого хронологического разрыва между их фиксацией [Pelliot 1959: 47–48]. Уже для самого же слова *аргун* (< **arqun*) в тюркских языках регистрируется значение ‘полукровка’, что находит параллели у Махмұд ал-Қашғарӣ, упоминающего слово *arqun* в значении ‘гибрид дикого жеребца и домашней лошади’. Однако, также отметив факт существования племенного названия *аргун*, а также упоминания в тюркских источниках некоей страны *аруи*, говорить о какой-либо связи между всеми этими словами П. Пельо воздержался [Pelliot 1959: 50–51]. Касаясь упомянутого значения у Махмұда ал-Қашғарӣ, сэр Дж. Клоусон давал следующую трактовку ‘a cross-bred horse’, ‘the offspring of a wild stallion and a tame mare, the fastest kind of horse in a race’ [Clauson 1972: 216]. В ЭСТЯ отмечается ряд *аргамақ* ~ *арғымақ* ~ *арқун* ~ *арғун* ‘объезженный чистокровный породистый конь, аргамак’ как название носителя действия от глагола *арға-* ~ *арғы-* ~ *арғу-* ‘бежать крупным карьером’ [Севортян 1974: 171, 172]. Между тем, например, В. Я. Бутанаев предполагает связь названия кызыльского *сѣк*-а и одноименного племени казахов с хакасским словом со значением ‘ненастоящий, поддельный’ [1999: 26]), что будто бы указывает на их пришлый характер среди хакасов [1984: 107; 1994: 23; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 200].

Басагарский от 2-й половины отделенный, именующийся также *Tijse* [VI] [Castren 1856: 520], *Тюйзе* [Костров 1853б: 299], *Тюнзе* (?) [Риттер 1877: 552].

Здесь сложно что-либо сказать об их наименовании, но можно предположить образование при помощи аффикса направительного падежа, в кызыльском диалекте имеющего форму *+ca / +ce, +za / +ze* [Боргояков 1976: 93], от именной основы **tīj*. Формально можно сопоставить с бараб. *tūīi* ‘парный, образующий пару’, шор. *tūī*, леб. *tūgāi*, тел. *tūñāi* ‘парный, образующий пару, похожий’, тел. *tūñ* ‘пара’, ‘соответствующий, образующий пару, похожий’ [Радлов 1911: 1527, 1528, 1534, 1541], где двусложные формы показывают образование при помощи аффикса *+GAj* при исходной основе, не обнаруживающей, однако, четкой идентификации [Blažek et al. 2019: 236].

Басагарский 1-й и 2-й половины, или *буга*. Название восходит к *сōк*-у *пуга*, при исходном *буга*, так как оглушение инициального /b/ > /p/ в хакасских диалектах считается достаточно поздним явлением, регистрирующимся не ранее XVIII в. [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 489, 503]. Согласно мнению В. Я. Бутанаева, он полностью соответствует басагарскому административному роду, разделялся на *улуг пуга*, соответствующий басагарскому роду 1-й половины, и *kīčig пуга*, соответствующий басагарскому роду 2-й половины [1984: 106; 1994: 21; 1999: 95].

Наименование может быть связано со значением ‘бык’, что находит отражение в генеалогических легендах *сōк*-а. Само название *буга* ~ *пуга*, согласно Б. О. Долгих, встречалось среди названий родоплеменных единиц у камасинцев (*бугасан*) и тяньшаньских кыргызов (*бугулар*) [1960: 240; Бутанаев 1994: 22; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 200]. Ср. другое название улуса Итименевский – *Пугалар аалы* [Риттер 1877: 552; Потапов 1957: 242; Боргояков 1981: 105].

В. Я. Бутанаев допускает, что «официальное имя Бу[га]сарского рода происходило от камасинского слова “бугасан”, где окончание “сан” обозначало форму множественного числа. С другой стороны, сюжет о происхождении кызыльского сеока пуга напоминает легенду о киргизском роде бугу. Все это свидетельствует о сложном этническом составе кызыльцев, где помимо кыргызов оказались и камасинские компоненты» [1994: 22; 1999: 95].

Следует разграничивать слова *buγa* (~ *buqa*) ‘бык-производитель’ и *buγu* ‘самец оленя’, при возможности рассмотрения второго как раннего монголизма, вероятно, восходящие к одной основе на алтайском уровне [Сравнительно-историческая грамматика... 2001: 152, 645–646]. Он также не регистрируется в языках кыргызской группы. В нашем случае речь идет о слове *buγa* > *puγa*, гипотетически вычленяемом в качестве образующей основы и в наименовании *buγasar*, которое теоретически могло на русской основе быть искажено и превратиться в *богасар* и *басагар*, как оно также отмечено в источниках [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 230]. Следует отметить, что этноним *басагар* (вар. *багасар*) уже с начала XVII в. очень часто фигурирует рядом с теми, кого русские документы именуют «кызылы», т. е. население «Кызыльской волости» [Потапов 1957: 144; VII].

В этом контексте следует обратить внимание на версии о происхождении слова, лежавшего в названии Алтысарского улуса. Как полагает Н. Н. Козьмин, так именовались «низовские», «понизовые» «киргызы», и, соответственно, *алты* трактуется как ‘низ’, *сары* – ‘сторона’, что дает общее значение ‘нижняя сторона’ [1917: 52]. В. Я. Бутанаев указывал на происхождение слова от хак. *алтынзархы* ‘северный или нижний’ [Бутанаев, Абдыкалыков 1995: 11; Очерки истории Хакасии 2008: 198]. Впрочем, аффикс направительного падежа *+sArI* иногда рассматривается как развитие самостоятельного слова *sari* ‘сторона’ в функции послелога [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 517–518]. Другие исследователи все же возводят аффикс

к др.-тюрк. *siḡar* ‘направление’ [Боргояков 1976: 90–93; Stachowski 2012]. Так или иначе, это позволяет допустить по тому же принципу и трактовку формы **buḡa+sar(i)*. По законам хакасской фонетики ожидалась бы, однако, форма **riḡa < *ruḡa < *buḡa < *biḡa* (с оглушением **b- > p-* не ранее XVIII в. [Он же 1981: 44; Сравнительно-историческая грамматика... 2002: 489]), переход */q/ > /ɣ/* для этой языковой группы в целом не характерен. Зарегистрированная хакасская словарная форма *пуға* «1) бык-производитель; 2) самец марала или оленя» [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: 165] принадлежит к кызыльской диалектной среде [Боргояков 1981: 104–105].

Камларский. Получил название по имени *сѵк-а хам* (мн. *хамлар, хамнар*). В. Я. Бутанаев отмечает его деление на *улуғ хамнар* и *кичіғ хамнар* [1984: 106; 1994: 22; 1999: 95]. Исследователями уже давно указано на связь этнонима со словом *хам* ‘кам, шаман’ [Castren 1856: 345; Erman 1847: 725; Костров 1853б: 299], что также подтверждается их тамгой в форме бубна (*түўр таңма*) [Бутанаев 1994: 22; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 199]. Согласно преданиям, они считаются частью *сѵк-а ажығ* [Бутанаев 1984: 106; 1994: 22; 1999: 95; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 199].

Игинский. Назван по имени *сѵк-а ыгы*. Согласно В. Я. Бутанаеву, подразделяется на *улуғ ыгы* и *кичіғ ыгы* [1994: 23; 1999: 229]. В начале XVIII в. игинцы проживали по р. Чулым, от впадения р. Урюп и до Ачинска [Очерки истории Хакасии 2008: 200]. По мнению хакасского исследователя, «этноним “ыгы” созвучен с именем якутского рода “эңэ” – эгинцы. Общность якутской и хакасской этнонимии (хасха, тумат, хоро, кыргыс и др.) отражает их древние историко-культурные связи» [Бутанаев 1994: 23]. Это, однако, видимо, формальное созвучие, не объясняющее разницу в рядности вокализма.

Наличие гуттурального */ɣ/* в интервокальной позиции, который, по законам хакасской фонетики, должен стягиваться, может быть объяснено, однако, особенностями кызыльского диалекта, где глухим согласным литературного языка в интервокальной позиции соответствует звонкий [Доможаков 1948: 7]. Это подтверждается наличием зафиксированной исследователями формы этнонима с глухим – орфогр. *акы*. Вероятно, *ыгы ~ агы (< *ықы)* является первичным именем от не зарегистрированного в хакасском языке глагола **ық-* с основным значением ‘идти по ветру’, вторичным ‘склоняться’ и переносным ‘поддаваться, уступать’, ‘отступать, сдавать свою позицию’ и т. п., а также отмеченного в значении ‘плыть вниз’, ‘плыть по течению’ и т. п., что контаминируется с основной **ақ-* ‘течь, протекать, вытекать’ и т. д. [Севортян 1974: 118–119, 651–652].

Существует возможность сопоставления этого наименования с западно-бурятским этнонимом *икинад ~ ихинад*, носители которого, согласно преданиям, пришли с Енисея [Балдаев 1970: 320]. В 1654 г. в одном из русскоязычных документов они упомянуты как *игнацкие* татары [Окладников 1937: 94]. Данный этноним образован при помощи аффикса множественности *+nad (< *+nA+d)*, зарегистрированного только в западно-бурятских говорах [Рорре 1952: 68]. Сам аффикс известен не только в велярном варианте. Соответственно, можно реконструировать облик имяобразующей основы как **ixi* (видимо, с позиционно обусловленным вариантом с *-k-*), где *-xi- < *-ki- < *-qi-* [Рорре 1955: 132, 133; Рассадин 1982: 101–103, 110]. А мягкорядность инициального согласного объясняется законами монгольской фонетики.

Шуйский, или шустер. У кызыльцев зарегистрирован *сѵк* с названием *шуш*. По-видимому, *шус-тер* как форма множественного числа указывает на соответствующее закономерное развитие финального */š/ > /s/* [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 491, 496], а образованная в русской среде форма «шуйский» является адаптацией под более привычное произношение.

И. Г. Георги отмечал подразделение *шуй* у енисейских остяков (кетов) [Потапов 1957: 158]. Как отмечает В. Я. Бутанаев, Д. Мессершмидт называл их киргизскими кыштымами (*шуш-киштим*), рассматривая этноним как происходящий от названия территории их обитания – р. Шуш, притока р. Урюп. Сам В. Я. Бутанаев полагает, что этноним *шуш* «мог иметь и тотемное происхождение», поскольку, «по-кызыльски “шуш” – утка-крохаль», а «невестки этого сеока не имели права использовать слово “шуш” в разговоре и заменяли его термином “сыртат” (одна из пород уток)», также «членам этого сеока нельзя было убивать уток и лебедей» [Бутанаев 1994: 21; 1999: 229; 2006: 549; Очерки истории Хакасии 2008: 199–200]. Вероятно, эти традиции говорят лишь о попытке народного осмысления этнонима [VIII].

Заключение

Коренное тюркское население Ачинского округа Енисейской губернии в XIX в. представляло собой конгломерат нескольких административных родов, в основу которых легли волости (хак. (< монг.) *аймаг*) XVII в., когда ими была заселена вся территория будущего округа. За период после окончательного присоединения их земель к Российскому государству произошли значительные изменения в ареалах расселения. Так, после начала колонизации края русским населением, основания сети поселений вдоль московского тракта и в ходе ее постепенного расширения единый тюркский ареал оказался разбит на два массива – южный и северный. Большая часть коренного населения оказалась в пределах южного массива. Соответственно, прежние племенные ареалы были утрачены и уже к XIX в. коренные обитатели оказались скученно расселены на ограниченном участке бывших территорий. Население северного ареала было представлено преимущественно мелетцами и в небольшом количестве кызыльцами.

Формирование этнического состава коренного населения региона было обусловлено сложными процессами взаимодействия различных групп, прежде всего тюркского и монгольского происхождения, в основной части, насколько об этом позволяет судить этнонимика и фольклор, тесно связанной с примыкающими южными, юго-западными и восточными территориями в период XVI в. и ранее.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого»)

Примечания

I. Прилагательное *мелецкий*, или *мелетский*, от рус. *мелет* в оригинальном чулымско-тюркском произношении *pilet* [Дульзон 1973: 17], в хакасском *pelet* [Бутанаев 1999: 86–87]. В русских документах уже с начала XVII в. они появляются как «мидлисы», «мелесские татары», притом разделенные на две волости – Мелеская и Мелеская Туталова (по имени «лутчего человека князца» Тутала), причем «Мелеская земля» явно отделяется в документах от «Чюлымских земель» и «Киргисской земли» [Бояршинова 1950: 40; Потапов 1957: 140, 147–148].

II. Здесь и далее под «прочими» понимаются представители всех других этнических групп, не относящихся к коренным тюркам и русским. В представленных в статье таблицах они также не учитываются.

III. Ниже приводится написание в русском произношении без учета оригинальной фонетики, которая будет обсуждаться далее.

IV. В приложении к труду К. Риттера вместо «Ачинский» в обоих случаях написано «Аргунский» [1877: 552].

V. Иногда упоминание двух Басагарских родов в литературе отсутствует, см., напр.: [Радлов 1887: 6; 1989: 91].

VI. Н. Н. Козьмин, по-видимому, неверно отождествляет с басагарами зарегистрированный П. С. Палласом *Бук-тын-аймак* [Паллас 1788: 473], утверждая тем самым, что Басагарский род делится на два – *тин* и *буга* [Козьмин 1925: 38, 48 (прим. 45)].

VII. Ср., с одной стороны, *богочжи* в Тубинской землице, также название кости койбалов, фигурирующих в русских источниках под именем *Богучеев* или *Бугачев улус* [Козьмин 1925: 32, 44, прим. 35], с другой – название улуса Камасинской землицы в XVIII в., записанное Г. Ф. Миллером, по-камасински *Бугасанг*, по-татарски – *Бугалар*, по-русски – *Бугачеев* [Потапов 1957: 216].

VIII. В данном случае кызыльский /s/ не может быть результатом вторичного развития </c/ </j/ [Сравнительно-историческая грамматика... 2002: 498, 501], поскольку в XVII–XVIII вв. у тех, кого авторы составленных в то время словарей именуют *кызыльцами*, это явление еще не получило распространения, хотя у представителей других территориальных групп регистрируется соответствие /c/ ~ /j/ [Боргояков 1981: 17–18, 49, 71, 117–118; Сравнительно-историческая грамматика 2002: 497].

Литература

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк) / А. Абдыкалыков. – Фрунзе: Илим, 1968. – 140 с.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов // Живая старина. – 1896. – Т. 6. – Вып. III–IV. – С. 277–456.

Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.) / В. Н. Асочакова. – Абакан: Бригантина, 2018. – 196 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 362 с.

Баскаков Н. А. Хакасско-русский словарь / Н. А. Баскаков, А. И. Грекулус. – М.: ГИИНС, 1953. – 487 с.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. / С. В. Бахрушин // Научные труды III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 176–224.

Боргояков М. И. Материалы по лексике хакасского языка / М. И. Боргояков // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – 1965. – Вып. XI. – С. 174–185.

Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке / М. И. Боргояков. – Абакан: Хакас. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1976. – 160 с.

Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка / М. И. Боргояков. – Абакан: Хакас. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1981. – 143 с.

Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. / З. Я. Бояршинова // Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Сер. Историко-филологическая. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.

Бутанаев В. Я. Этнический состав кызыльцев в XIX – начале XX в. / В. Я. Бутанаев // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1984. – С. 105–107.

Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Хакас. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1987. – 176 с.

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий = Хоорай сөөктері паза пічікке кірчең өбекелері / В. Я. Бутанаев. – Абакан: УПП «Хакасия», 1994. – 93 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь / В. Я. Бутанаев. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.

Бутанаев В. Я. Хакасы / В. Я. Бутанаев // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. – М.: Наука, 2006. – С. 533–630.

Бутанаев В. Я. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. / В. Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. – Абакан: ХГУ, 1995. – 258 с.

Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск: Наука, 1981. – 248 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.

Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Доможаков. – Абакан, 1948. – 11 с.

Доможаков Н. Г. Нижнеиусцы: Материалы по языку / Н. Г. Доможаков // Уч. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. VIII. – 1960. – С. 187–210.

Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного прохождения / А. П. Дульзон // Вопросы языкознания. – 1959а. – № 4. – С. 35–46.

Дульзон А. П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам / А. П. Дульзон // Уч. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. VII. – 1959б. – С. 98–102.

Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма / А. П. Дульзон // Советская тюркология. – 1973. – № 2. – С. 16–29.

Карта Енисейской губернии. Составлена в Енисейской губернской чертежной в 1889 г., 25 верст в англ. дюйме. – Красноярск: Лит. П. С. Смирнова, 1889.

Козьмин Н. Н. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / Н. Н. Козьмин // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XVI. 1916 г. – Иркутск: Тип. Иркут. т-ва печ. дела, 1917. – С. 35–64.

Козьмин Н. Н. Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края / Н. Н. Козьмин. – Иркутск: Изд. Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. – X, 185 с.

Костров Н. А. Кизильские татары / Н. А. Костров // Казанские губернские ведомости. – 1853а. – № 24. – С. 189.

Костров Н. А. Кизильские татары / Н. А. Костров // Казанские губернские ведомости. – 1853б. – № 38. – С. 299–301.

Кривоногов В. П. Этническая ситуация на среднем Чулыме (середина 1980-х годов) / В. П. Кривоногов // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 3. – С. 22–31.

Кривоногов В. П. У потомков мелецких татар / В. П. Кривоногов // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2014. – № 7. – С. 47–55.

Кривоногов В. П. Этнологические процессы у чулымцев / В. П. Кривоногов // Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М. Ч. Чумакаевой (г. Горно-Алтайск, 10–12 октября 2018 г.), избранные труды и полевые материалы исследователя / отв. ред. А. Э. Чумакаев. – Горно-Алтайск: Изд-во НИИА им. С. С. Суразакова, 2018. – С. 178–185.

Львова Э. Л. Чулымцы / Э. Л. Львова, Н. А. Томилов, Д. А. Функ // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. – М.: Наука, 2006. – С. 125–170.

Мамышева Е. П. Переселенцы и инородческое население в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Минусинского и Ачинского округов): проблема взаимоотношений / Е. П. Мамышева // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 11. – С. 101–107.

Несказочная проза хакасов / сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. – Новосибирск: Наука, 2016. – 540 с.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Л.: СОЦЭК ОГИЗ, 1937. – 425 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 672 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – 350 с.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев = Données statistiques sur la décomposition ethnique de la

population de Sibirie et répartition des indigènes d'après leur langue et leurs familles (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ. // Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики = Mémoires de la Société impériale russe de géographie. Т. XI. Вып. 2 / С. К. Патканов. – СПб.: Ш. Буссель, 1912. – 432 с.

[Пестов И.] Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г. составленные статским советником И. Пестовым. – М.: Университетская тип., 1833. – 308 с.

[Паллас П. С.] Петра Симона Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской Академии наук, и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, также Римской императорской академии испытателей естества и Королевского Аглинского ученого собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи: [в 3-х ч.]. Ч. 3, половина 2: 1772 и 1773 годов / пер. Василий Зуев. – СПб.: При Императорской Академии наук [1773], 1788. – [2]. – 480 с.

Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 308 с.

Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии: пер. с нем. / В. В. Радлов. – Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1887. – 26 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2 / В. В. Радлов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. – Стб. 1117–2230. – 107 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / В. В. Радлов; пер. с нем. К. Д. Цивинной, Б. Е. Чистовой; примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна; топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г. И. Донидзе; указатель этнич. названий Е. П. Батякова. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадина. – М.: Наука, 1982. – 199 с.

Резун Д. Я. Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири) / Д. Я. Резун. – Новосибирск: Наука. – 197 с.

Риттер К. Землеведение Азии. География стран, входящих в состав России или граничных с нею, т. е. Сибири, Китайской империи, Туркестана, Независимой Татарии и Персии: пер. по поручению Императорского русского географического общества с доп., служащими продолжением Риттерова труда на основании материалов, обнародованных с 1832 г. Т. IV. Дополнение к III т. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и до китайской границы по новейшим сведениям 1832–1876 гг. / К. Риттер; сост. П. П. Семенов, Г. Н. Потанин. – СПб.: В Тип. В. Безобразова и комп., 1877. – XI, 695, XLII с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Синяев В. С. Граница между чулымцами и чулымскими селькупами в XVI–XVII веках / В. С. Синяев // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI. Вып. 2. – Томск: Облполиграфиздат, 1963. – С. 45–53.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

Томилов Н. А. Чулымцы / Н. А. Томилов; гл. ред. В. А. Тишков // Народы России: Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – С. 410–412.

Чибизов И. Я. Иногородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования / И. Я. Чибизов // Сибирский Архив. – 1914. – № 9. – С. 379–390.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири / Л. И. Шерстова. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2005. – 312 с.

Ярилов А. А. Мелецкие иногородцы / А. А. Ярилов. – Юрьев: Тип. К. Матиссона, 1899. – 150, LXIV с.

Blažek V. Altaic Languages. History of research, survey, classification and a sketch of comparative grammar / V. Blažek, M. Schwarz, O. Srba. – Brno: Masaryk University Press, 2019. – 358 p.

Castren M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / M. Alexander Castren; hrsg. von A. Schiefner. – St. Petersburg, 1856. – X, 527 c. [3] л.

Erman A. Völker türkischer Sprache im südlichen Sibirien / A. Erman // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. – 1847. – Bd. 6. – Hf. 1. – S. 724–732.

Pelliot P. Notes on Marco Polo I / P. Pelliot. – Paris: Imprimerie. Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. – XII, 612 p.

Poppe N. N. Plural Suffixes in the Altaic Languages / N. N. Poppe // Ural-Altaische Jahrbücher. – 1952. – Bd. XXIV. – H. 1–2. – S. 65–83.

Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran, 1955. – 300 p.

Stachowski M. On the origins of the Turkic directive suffixes *-jar(y)* and *-sar(y)* / M. Stachowski // Studia Etymologica Cracoviensia. – 2012. – Vol. 17. – P. 127–135.

References

Abdykalykov A. Enisejskie kirgizy v XVII veke (istoricheskij ocherk) / A. Abdykalykov. – Frunze: Ilim, 1968. – 140 s.

Aristov N. A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskih plemen i narodnostej i svedeniya ob ih chislennosti / N. A. Aristov // Zhivaya starina. – 1896. – T. 6. – Vyp. III–IV. – S. 277–456.

Asochakova V. N. K istorii pravoslaviya v Hakasii (XVII–XIX vv.) / V. N. Asochakova. – Abakan: Brigantina, 2018. – 196 s.

Baldaev S. P. Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat. Ch. 1. Bulagaty i chirity / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 362 s.

Baskakov N. A. Hakassko-russkij slovar' / N. A. Baskakov, A. I. Grekulus. – M.: GIINS, 1953. – 487 s.

Bahrushin S. V. Enisejskie kirgizy v XVII v. / S. V. Bahrushin // Nauchnye trudy III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Ch. 2. Istoriya parodov Sibiri v XVI–XVII vv. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – S. 176–224.

Borgoyakov M. I. Materialy po leksike hakasskogo yazyka / M. I. Borgoyakov // Uchenye zapiski Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. – 1965. – Vyp. XI. – S. 174–185.

Borgoyakov M. I. Razvitie padezhnyh form i ih znachenij v hakasskom yazyke / M. I. Borgoyakov. – Abakan: Hakas. otd-nie Krasnoyarskogo kn. izd-va, 1976. – 160 s.

Borgoyakov M. I. Istochniki i istoriya izucheniya hakasskogo yazyka / M. I. Borgoyakov. – Abakan: Hakas. otd-nie Krasnoyarskogo kn. izd-va, 1981. – 143 s.

Boyarshinova Z. Ya. Naselenie Tomskogo uезда v pervoj polovine XVII v. / Z. Ya. Boyarshinova // Trudy Tomskogo gos. un-ta im. V. V. Kujbysheva. Ser. Istoriko-filologicheskaya. – 1950. – T. 112. – S. 23–210.

Butanaev V. Ya. Etnicheskij sostav kyzyl'cev v XIX – nachale XX v. / V. Ya. Butanaev // Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij: tez. dokl. obl. nauch. konf. po etnografii. – Omsk: Izd-vo OmGU, 1984. – S. 105–107.

Butanaev V. Ya. Social'no-ekonomicheskaya istoriya hakasskogo aala / V. Ya. Butanaev. – Abakan: Hakas. otd-nie Krasnoyarskogo kn. izd-va, 1987. – 176 s.

Butanaev V. Ya. Proishozhdenie hakasskih rodov i familij = Hooraj söökteri paza pichikke kirçeң öbekeleri / V. Ya. Butanaev. – Abakan: UPP «Hakasiya», 1994. – 93 s.

Butanaev V. Ya. Hakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar' / V. Ya. Butanaev. – Abakan: UPP «Hakasiya», 1999. – 240 s.

Butanaev V. Ya. Hakasy / V. Ya. Butanaev // Tyurkskie narody Sibiri / otv. red. D. A. Funk, N. A. Tomilov. – M.: Nauka, 2006. – C. 533–630.

Butanaev V. Ya. Materialy po istorii Hakasii XVII – nachala XVIII v. / V. Ya. Butanaev, A. Abdykalykov. – Abakan: HGU, 1995. – 258 s.

Bykonya G. F. Zaselenie russkimi Prienisejskogo kraja v XVIII v. / G. F. Bykonya. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 248 s.

Dolgiy B. O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke / B. O. Dolgiy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 621 s.

Domozhakov N. G. Opisanie kyzyl'skogo dialekta hakasskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N. G. Domozhakov. – Abakan, 1948. – 11 s.

Domozhakov N. G. Nizhneiyuscy: Materialy po yazyku / N. G. Domozhakov // Uch. zap. Hakas. nauch.-issled. in-ta yazyka, literatury i istorii. Vyp. VIII. – 1960. – S. 187–210.

Dul'zon A. P. Voprosy etimologicheskogo analiza russkih toponimov substratnogo prohozhdeniya / A. P. Dul'zon // Voprosy yazykoznaniya. – 1959a. – № 4. – S. 35–46.

Dul'zon A. P. Tyurki Chulyma i ih otnoshenie k hakasam / A. P. Dul'zon // Uch. zap. Hakas. nauch.-issled. in-ta yazyka, literatury i istorii. Vyp. VII. – 1959b. – S. 98–102.

Dul'zon A. P. Dialekty i govory tyurkov Chulyma / A. P. Dul'zon // Sovetskaya tyurkologiya. – 1973. – № 2. – С. 16–29.

Karta Enisejskoj gubernii. Sostavlena v Enisejskoj gubernskoj chertezhnoj v 1889 g., 25 verst v angl. dyujme. – Krasnoyarsk: Lit. P. S. Smirnova, 1889.

Koz'min N. N. D. A. Klemenc i istoriko-etnograficheskie issledovaniya v Minusinskom krae / N. N. Koz'min // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. T. XVI. 1916 g. – Irkutsk: Tip. Irkut. t-va pech. dela, 1917. – S. 35–64.

Koz'min N. N. Hakasy: istoriko-etnograficheskij i hozyajstvennyj ocherk Minusinskogo kraja / N. N. Koz'min. – Irkutsk: Izd. Irkut. sekcii nauch. rabotnikov Rabprosa, 1925. – X, 185 s.

Kostrov N. A. Kizil'skie tatary / N. A. Kostrov // Kazanskije gubernskie vedomosti. – 1853a. – № 24. – S. 189.

Kostrov N. A. Kizil'skie tatary / N. A. Kostrov // Kazanskije gubernskie vedomosti. – 1853b. – № 38. – S. 299–301.

Krивonogov V. P. Etnicheskaya situaciya na srednem Chulyme (seredina 1980-h godov) / V. P. Krивonogov // Etnograficheskoe obozrenie. – 1994. – № 3. – С. 22–31.

Krивonogov V. P. U potomkov meleckih tatar / V. P. Krивonogov // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya. – 2014. – № 7. – С. 47–55.

Krивonogov V. P. Etnoyazykovye processy u chulymcev / V. P. Krивonogov // Altajskij yazyk i ego dialekty: sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo altajskogo uchenogo-lingvista M. Ch. Chumakaevoj (g. Gorno-Altajsk, 10–12 oktyabrya 2018 g.), izbrannye trudy i polevyje materialy issledovatelya / otv. red. A. E. Chumakaev. – Gorno-Altajsk: Izd-vo NIIA im. S. S. Surazakova, 2018. – S. 178–185.

L'vova E. L. Chulymcy / E. L. L'vova, N. A. Tomilov, D. A. Funk // Tyurkskie narody Sibiri / otv. red. D. A. Funk, N. A. Tomilov. – M.: Nauka, 2006. – S. 125–170.

Mamysheva E. P. Pereselency i inorodcheskoe naselenie v Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na materialah Minusinskogo i Achinskogo okrugov): problema vzaimootnoshenij / E. P. Mamysheva // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2018. – № 11. – S. 101–107.

Neskazochnaya proza hakasov / sost. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko i dr. – Novosibirsk: Nauka, 2016. – 540 s.

Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) / A. P. Okladnikov. – L.: SOCEK OGIZ, 1937. – 425 s.

Ocherki istorii Hakasii (s drevnejshih vremen do sovremennosti) / gl. red. V. Ya. Butanaev; nauch. red. V. I. Molodin. – Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2008. – 672 s.

Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii na 1863 god. – SPb.: Tip. I. Ogrizko, 1863. – 350 s.

Patkanov S. K. Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoj sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodcev = Donneés statistiques sur la décomposition ethnique de la population de Sibérie et répartition des indigènes d'après leur langue et leurs familles (na osnovanii dannyh special'noj razrabotki materiala perepisi 1897 g.). T. II. Tobol'skaya, Tomskaya i Enisejskaya gub. // Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki = Mémoires de la Société impériale russe de géographie. T. XI. Vyp. 2 / S. K. Patkanov. – SPb.: Sh. Bussel', 1912. – 432 s.

[*Pestov I.*] Zapiski ob Enisejskoj gubernii Vostochnoj Sibiri, 1831 g. sostavlennye statskim sovetnikom I. Pestovym. – M.: Universitetskaya tip., 1833. – 308 s.

[*Pallas P. S.*] Petra Simona Pallasa, doktora mediciny, professora natural'noj istorii i chlena Rossijskoj imperatorskoj Akademii nauk, i Sankt-Peterburgskago Vol'nago ekonomicheskago obshchestva, takzhe Rimskoj imperatorskoj akademii izpytatelej estestva i Korolevskago Aglinskago

uchenago sobraniya, Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii: [v 3-h ch.]. Ch. 3, polovina 2: 1772 i 1773 godov / per. Vasilij Zuev. – SPb.: Pri Imperatorskoj Akademii nauk [1773], 1788. – [2]. – 480 s.

Potapov L. P. Proiskhozhdenie i formirovanie hakasskoj narodnosti / L. P. Potapov. – Abakan: Hakas. kn. izd-vo, 1957. – 308 s.

Radlov V. V. Etnograficheskij obzor tyurkskih plemen Yuzhnoj Sibiri i Dzhungarii: per. s nem. / V. V. Radlov. – Tomsk: Tipo-Litografiya Mihajlova i Makushina, 1887. – 26 s.

Radlov V. V. Opyt slovary tyurkskih narechij. T. IV. Ch. 2 / V. V. Radlov. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1911. – Stb. 1117–2230. – 107 s.

Radlov V. V. Iz Sibiri: stranicy dnevnika / V. V. Radlov; per. s nem. K. D. Civinoj, B. E. Chistovoj; primech. i poslesl. S. I. Vajnshtejna; toponimich. redakciya, shemy marshrutov ekspedicii i annotir. ukazatel' geografich. nazvanij G. I. Donidze; ukazatel' etnich. nazvanij E. P. Bat'yakova. – M.: Nauka, 1989. – 749 s.

Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka / V. I. Rassadin. – M.: Nauka, 1982. – 199 s.

Rezun D. Ya. Russkie v srednem Prichulym'e v XVII–XIX vv. (Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya malyh gorodov Sibiri) / D. Ya. Rezun. – Novosibirsk: Nauka. – 197 s.

Ritter K. Zemlevedenie Azii. Geografiya stran, vkhodyashchih v sostav Rossii ili pograniichnyh s neyu, t. e. Sibiri, Kitajskoj imperii, Turkestana, Nezavisimoj Tatarii i Persii: per. po porucheniyu Imperatorskogo russkogo geograficheskogo ob-va s dop., sluzhashchimi prodolzheniem Ritterova truda na osnovanii materialov, obnarodovannyh s 1832 g. T. IV. Dopolnenie k III t. Altajsko-Sayanskaya gornaya sistema v predelakh Rossijskoj imperii i do kitajskoj granicy po noveshim svedeniyam 1832–1876 gg. / K. Ritter; sost. P. P. Semenov, G. N. Potanin. – SPb.: V Tip. V. Bezobrazova i komp., 1877. – XI, 695, XLII s.

Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) / E. V. Sevortyan. – M.: Nauka, 1974. – 767 s.

Sinyaev V. S. Granica mezhdru chulymcami i chulymskimi sel'kupami v XVI–XVII vekah / V. S. Sinyaev // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. T. VI. Vyp. 2. – Tomsk: Oblpoligrafizdat, 1963. – S. 45–53.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika / otv. red. E. R. Tenishev. – 2-e izd., dop. – M.: Nauka, 2001. – 822 s.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Regional'nye rekonstrukcii / otv. red. E. R. Tenishev. – M.: Nauka, 2002. – 767 s.

Tomilov N. A. Chulymcy / N. A. Tomilov; gl. red. V. A. Tishkov // Narody Rossii. Enciklopediya. – M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1994. – S. 410–412.

Chibizov I. Ya. Inorodcy Enisejskoj gubernii v pervye gody ee sushchestvovaniya / I. Ya. Chibizov // Cibirskij Arhiv. – 1914. – № 9. – S. 379–390.

Sherstova L. I. Tyurki i russkie v Yuzhnoj Sibiri / L. I. Sherstova. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheol. i etnogr. SO RAN, 2005. – 312 s.

Yarilov A. A. Meleckie inorodcy / A. A. Yarilov. – Yur'ev: Tip. K. Matissona, 1899. – 150, LXIV s.

Blažek V. Altaic Languages. History of research, survey, classification and a sketch of comparative grammar / V. Blažek, M. Schwarz, O. Srba. – Brno: Masaryk University Press, 2019. – 358 p.

Castren M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 / M. Alexander Castren; hrsg. von A. Schiefner. – St. Petersburg, 1856. – X, 527 c., [3] l.

Erman A. Völker türkischer Sprache im südlichen Sibirien / A. Erman // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. – 1847. – Bd. 6. – Hf. 1. – S. 724–732.

Pelliot P. Notes on Marco Polo I / P. Pelliot. – Paris: Imprimerie. Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. – XII, 612 p.

Poppe N. N. Plural Suffixes in the Altaic Languages / N. N. Poppe // Ural-Altaische Jahrbücher. – 1952. – Bd. XXIV. – H. 1–2. – S. 65–83.

Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seuran, 1955. – 300 p.

Stachowski M. On the origins of the Turkic directive suffixes -jar(y) and -sar(y) / M. Stachowski // Studia Etymologica Cracoviensia. – 2012. – Vol. 17. – P. 127–135.